

В. Г. Белинский

**Литературные и журнальные
заметки. Несколько слов
«Москвитяину»**

Виссарион Григорьевич Белинский

**Литературные и журнальные
заметки. Несколько слов
«Москвитяину»**

«...Почему же особенно негодует г. Шевырев на упоминание имени Лермонтова вместе с именами некоторых наших писателей старой школы? – потому что Лермонтов рано умер, а те таки довольно пожили на свете и успели написать и напечатать все, что могли и хотели. Вот поистине странный критериум для измерения достоинства писателей относительно друг к другу!...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0027

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Литературные и журнальные
заметки. Несколько слов
«Москвитяину»**

В 6-й книжке медленно выходящего «Москвитянина» помещено окончание разбора «Полной русской хрестоматии» г. Галахова. Всем известно, как косо смотрит аристарх московского журнала на эту книгу. Предоставляя самому г. Галахову разделаться с его раздражительным противником[1], мы сами не можем не сделать заметок на некоторые выходки г. Шевырева, устремленные прямо на наш журнал. У сего почтенного и достойного аристарха московского есть странная привычка – о чем бы ни говорил он, придиричливо касаться «Отечественных записок». Это, можно сказать, его мания, его болезнь. А что у кого болит, тот о том и говорит. Из сострадания к такому состоянию души почтенного критика московского, мы хотим откровенным объяснением способствовать к прояснению его сознания, несколько затемненного, может быть, раздражительностию и пристрастием. Г-н Шевырев находит странным, что г. Галахов ставит имя Лермонтова не только вместе с именами Карамзина, Крылова, Жуковского и Пушкина, но даже Шиллера и Гете. По нашему мнению, если можно с имена-

ми Шиллера и Гете ставить не только Пушкина, но и Жуковского, и Крылова, и Карамзина, то г. Галахов прав, поставив вместе с ними имя Лермонтова. И уж, конечно, имя поэта Лермонтова скорее может быть поставлено с именами поэтов – Шиллера и Гете, чем имя Карамзина, отличного литератора, известного историка, но нисколько не поэта. Неужели это неизвестно г. Шевыреву?..

Вслед за этим странным упреком г. Шевырев начинает оправдываться перед *своими читателями* (вероятно, предполагая, что у «Москвитянина» есть читатели) в посягательстве на славу молодого поэта, то есть Лермонтова. «Мы, – говорит он, – знаем, что Россия лишилась в нем одной из лучших надежд молодого поколения. Мы с радостью приветствовали прекрасное его дарование; не признавали только направления в некоторых писях, но уверены были, что оно изменилось бы впоследствии потому, что не представляло ничего оригинального, отзывалось очевидным подражанием, свойственным всякому молодому таланту при начале его поприща». Всем известно, что в свое время г. Шевырев

даже взял на себя труд показать, кому именно подражал Лермонтов, и открыл, с свойственной ему критической проницательностью, что Лермонтов подражал не только Пушкину и Жуковскому, но даже и господину Бенедиктову!!^{1} В доказательство удивительной способности г. Шевырева открывать дух подражательности там, где нет его и тени, указываем кстати высказанное им в этой же статье мнение, будто бы Лермонтов в «Мцыри» подражал – Жуковскому!.. Любопытно бы знать, *какая* из пьес Жуковского послужила Лермонтову образцом для его «Мцыри»? Жаль, что г. Шевырев оставил нас в недоумении касательно этого любопытного вопроса...

Почему же особенно негодует г. Шевырев на упоминание имени Лермонтова вместе с именами некоторых наших писателей старой школы? – потому что Лермонтов рано умер, а те таки довольно пожилы на свете и успели написать и напечатать все, что могли и хотели. Вот поистине странный критерий для измерения достоинства писателей относительно друг к другу! Помилуйте: Грибоедов написал одну только комедию, да и ту несо-

вершенную, как первый опыт его самобытного творчества; неужели же Грибоедов, как поэт, не выше, например, Озерова, написавшего пять трагедий и несколько мелких пьес? Без сомнения, неизмеримо выше, потому что, судя по пяти трагедиям, можно знать, что Озеров ничего не написал бы великого, тогда как, судя по «Горе от ума», нельзя ни определить, ни измерить высоты, на которую мог бы подняться огромный талант (мы не побоимся сказать – даже гений) Грибоедова. Лермонтов написал немного, но в этом немногом видно очень многое. Если г. Шевырев не видит этого, – мы не спорим с ним, ибо в деле *личного* вкуса спора быть не может; но зачем же г. Шевырев непременно хочет, чтоб его *личный* вкус был нормою для вкуса всех и каждого, и зачем же он смотрит чуть-чуть не как на уголовного преступника на всякого, кто хочет иметь свой вкус, независимо от личного вкуса его, г. Шевырева? Всякое достоинство, всякая сила *спокойны* именно потому, что уверены в самих себе: они никому не навязываются, никому не напрашиваются, но, идя своим ровным шагом, не оборачиваются

назад, чтоб видеть, кланяются ли им другие. Только раздражительное литературное самолюбие раздувается и пыхтит, чтоб его слушали и с ним соображались, а видя, что его не замечают и идут своею дорогою, кричит «слово и дело!»{2}. Это не сила, а бессилие, – не достоинство, а мелочность... Здесь кстати заметить, в каком еще детском состоянии находится русская литература и критика: спорят и кричат о том, зачем так, а не иначе размещены имена писателей, а не рассуждают об истинном значении этих имен. Следя за рядом мыслей г. Шевырева, мы должны поблагодарить его за повторение некоторых мыслей, впервые высказанных по-русски в нашем журнале, каковы следующие: что Жуковский внес романтическую стихию в нашу поэзию; что Пушкин воспринял в себя все приготовленное предшественниками и творчески внес полное сознание народного духа в поэзию. Правда, эти наши мысли недалеко разнесутся столь мало читаемым журналом, каков «Москвитянин»; но все же мы благодарны г. Шевыреву и за внимательное изучение критических страниц нашего журнала и за со-

вестливое повторение их без всякого искажения. Однако ж мы еще были бы благодарнее г. Шевыреву, если б он указывал на *источники*, которыми иногда пользуется в своих статьях и которым он обязан хорошими местами и мыслями своих статей.

Г-н Шевырев настаивает на том, что в Лермонтове не было ничего оригинального: дело его *личного* вкуса, и мы опять не спорим! Но не можем не заметить снова, что напрасно г. Шевырев симптомы своего личного вкуса хочет выдать во что бы то ни стало за норму общего здорового вкуса. Он называет «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» лучшим произведением Лермонтова, а характеры Мцыри и Печорина призраками. Может быть, г. Шевырев и прав, думая так; но, может быть, правы и другие, думая не так. Вот, например, мы осмеливаемся думать, что пьеса эта есть юношеское произведение Лермонтова и что никогда бы он не обратился более к пьесам такого содержания. Кто читал Кошкина, тот не поверит *исторической* правдоподобности «Песни», особенно если сличит ее с

тою песню в сборнике Кирши Данилова, которая подала Лермонтову повод написать его «Песню» и которая называется «Мастрюк Террюкович»... Говоря о «Песне» Лермонтова, г. Шевырев видит в ней, между прочим, выражение «иронии власти, как исторической черты в характере Иоанна Грозного»: эта мысль нам кажется справедливою; но хвалить ее не смеем, ибо впервые она была высказана в «Отечественных записках»...{3}

До сих пор г. Шевырев только излагал свои мысли, выдавая их с несколько раздражительною настойчивостью за несомненно истинные; но теперь он начинает сердиться и браниться. Ни с того, ни с сего переходит он вдруг к каким-то «литературным промышленникам, которые, имея в руках своих некоторые стихотворения Лермонтова, под именем его же (*под его же именем?*) печатают множество пустых стихов». Обвинение немножко резкое и не совсем вежливо и прилично выраженное! Следовало бы доказать его фактами, перечислив поименно это «множество *пустых* стихотворений, под именем Лермонтова печатаемых». Недавно в «Отече-

ственных записках» напечатано было *девять* стихотворений, из которых *восемь* до того превосходны, что и без подписи имени автора все люди с эстетическим вкусом признали бы их за стихотворения Лермонтова. Неужели же г. Шевырев судит о достоинстве стихотворений и узнает, кем они написаны, только по подписи имени?.. Нет, это что-то не так! А вот и доказательство: вслед же за тем г. Шевырев уверяет, будто бы «один журнал, обанкрутившийся стихотворцами, обещает нам продолжение стихотворений лермонтовских бесконечное» (надобно было бы правильное сказать по-русски: обещает нам бесконечное продолжение лермонтовских стихотворений) «до тех пор, пока не создаст себе живого поэта напрокат, для подкраски своей нескончаемой французско-русской прозы(?)». Какой же это журнал, г. Шевырев? – Но вы не можете ответить на наш вопрос, ибо вы сочинили, выдумали этот журнал... Выдумывать неправду – не значит ли сердиться? Сердиться – не значит ли сознавать себя неправым и за свою вину бранить других?.. Нехорошо!.. Но это еще не все: гневное вдохновение раздраженного

московского критика создает новые призраки, чтоб было ему над кем показать свою храбрость, достойную манчского витязя...{4} Этот же журнал, по словам г. Шевырева, «самою позорною клеветою чернит совесть покойного поэта перед глазами всей русской публики и не в шутку уверяет ее, что русская поэзия в лице Лермонтова в первый раз вступила в самую тесную дружбу, с кем бы вы думали?.. с чертом!» – «Такой чертовщины (прибавляет г. Шевырев) еще никогда не бывало ни в русской литературе, ни в русской критике!»...{5} Это уж слишком! Подумал ли г. Шевырев об этих словах, прежде чем сорвались они с его пера, вероятно, «в минуту жизни трудную» для него?.. Как! неужели плоскую шутку или умышленное непонимание чужих слов – тоже считает он в числе оружий против своих противников? Делая такую важную денонсацию на них, почему не почел он за нужное, и даже необходимое, выписать их собственные слова, как это делают все добросовестные критики?.. «Наконец (говорит еще г. Шевырев) промышленники-книгопродавцы, вслед за промышленниками-журналиста-

ми, издают три тома стихотворений Лермонтова, и в числе их все школьные тетради покойного, все те поэмы и драмы, от которых он со стыдом отрекся бы, если бы был жив, – и все это делается под личиною уважения к поэту, а на самом деле из одних корыстных и низких целей, чтобы только именем Лермонтова привлекать невежественных подписчиков и читателей». Подобные обвинения читали уже мы в «Библиотеке для чтения», – и вот их повторяет знаменитый критик, как будто в оправдание французской пословицы: *les beaux esprits se rencontrent*[2]. Но основательны ли эти обвинения? Не внушены ли они каким-нибудь другим чувством – например, завистью – видеть стихотворения Лермонтова сперва в неприязненном журнале, а потом отдельно изданными, стало быть, никогда не видеть их в своем журнале?.. Как! неужели Лермонтов мог написать что-нибудь такое, что не стоило бы печати или могло оскорбить вкус публики, явившись в печати? Кроме одного или, много, двух мелких стихотворений, по нашему убеждению, в этих трех томах не найдется ни одного, которое было бы незна-

чительно и не было в тысячу раз лучше лучших стихотворений, например, гг. Языкова, Хомякова и Бенедиктова и tutti quanti[3] – этих вечных предметов критического удивления г. Шевырева, который когда-то сам писал стишонки немногим разве хуже их?.. Такая поэма, как «Боярин Орша», неужели – не более, как школьная тетрадь? И притом по какому праву, на каком основании настаивает г. Шевырев, чтоб желание почитателей таланта Лермонтова – иметь у себя каждую строку его – было преступно, равно как и желание издателей Лермонтова удовлетворить этому желанию большей части русской публики? Мало ли чего не напечатал бы сам Лермонтов: ведь и Пушкин не напечатал бы при жизни своей лицейских стихотворений; но кто же не благодарен издателям за помещение их в полном собрании его сочинений? Г-н Шевырев говорит: «Любопытна для истории военная школа Наполеона; но не имеет она значения в жизни молодого генерала, сраженного почти на первом шагу своего военного поприща». Но если б этот генерал был Наполеон после итальянской кампании? Для

г. Шевырева сделанное Лермонтовым кажется только замечательным, а нам оно кажется великим; г. Шевыреву кажется, что мы ошибаемся, а нам кажется, что он ошибается: из чего ж тут браниться, и неужели без брани нельзя оставаться той и другой стороне при своих убеждениях? Мало того, что г. Шевырев *печатно* называет журналиста, печатавшего в своем журнале стихи Лермонтова, и при жизни и по смерти поэта, – *журналистом-промышленником*, но даже позволяет себе сомневаться в его уважении к поэту и приписывать ему низкие и корыстные цели... {6} И против кого же он пишет это? – против журнала, который о нем не позволит себе так писать, хотя и мог бы высказать ему много жестких истин, не совсем-то здоровых для литературной репутации г. Шевырева... Далее, г. Шевырев видит каких-то необыкновенных поэтов в гг. Языкове, Бенедиктове и Хомякове, особенно в последнем; наше мнение о сих господах диаметрально противоположно его мнению: мы не видим в них никаких поэтов, особенно в последнем; {7} но тем не менее верим, что г. Шевырев восхищается ими gratis

[4], не из каких-нибудь корыстных и низких целей... Г-н Шевырев видел в Лермонтове подражателя г. Бенедиктову; г. Павлова ставит он выше Гоголя;{8} у поэзии Жуковского и Пушкина отнимал честь мысли и приписывал ее, на их счет, г. Бенедиктову{9}, и мы верим, что все это делал он без всякого злого умысла, а так, от доброты сердца, и с самым простодушным убеждением...

В доказательство, как иногда опасно свой личный вкус выдавать за общий и как, в этом отношении, не всякому следует быть слишком смелым, – обращаем внимание читателей на то, что г. Шевырев находит дурными эти превосходные стихи Лермонтова, представляющие в себе живую и роскошную картину Кавказа:

*И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал.
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял;
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял;
И Терек, прыгая, как львица,*

*С косматой гривой на хребте,
Ревел; и хищный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака,
Из южных стран, издалека,
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башня замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы*

---

*У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!{10}*

Г-н Шевырев видит тут подражание Марлинскому и ужасно рад грамматической неловкости, вследствие которой безграмотному читателю, – но только безграмотному, – может показаться, что хищный зверь кружится вместе с птицею в лазурной высоте... Г-н Шевырев видит отсутствие полного грамматического смысла в этих чудных стихах Лермонтова:

А мой отец? Он как живой

*В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я:
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый, непреклонный взор,
И молодых моих сестер...{11}*

С грамматической указкою не мудрено доказать ничтожество стихов не только Державина, но и Жуковского и Пушкина, что и делывали, бывало, педанты доброго старого времени.

В числе важных обвинений на издателя «Новой хрестоматии» г. Шевырев приводит его предпочтение Кольцову «перед лучшими (?) нашими лириками современными – Языковым и Хомяковым». Это несправедливо: гг. Языков и Хомяков давно уже не лучшие и не современные лирики; оба они пишут теперь мало и редко, и оба пишут, как писали назад тому около двадцати лет. Кольцов, без всякого сомнения, неизмеримо выше их уже потому только, что он был истинный поэт по призванию, между тем как они только звучные версификаторы, особенно последний. Г-н Шевырев говорит: «В Кольцове весьма замечательна была склонность к философско-рели-

гиозной думе, которая таится в простонародии русском». Неправда: где доказательства этого элемента в нашем простонародии? Уж не в народной ли русской поэзии, где его нет ни следа, ни признака? Кольцов потому и имел склонность к философско-религиозной думе, что самобытным стремлением своей мощной натуры совершенно оторвался от всякой нравственной связи с простонародьем, среди которого возрос{12}. Г-н Шевырев, считая по пальцам слоги и ударения в стихах Кольцова, не заметил, что их метр совершенно особенный, образованный по метру народных песен, но принадлежавший собственно Кольцову. Пропускаем без внимания бранчивые выражения г. Шевырева, излившиеся из досады, что Кольцов выбирал себе знакомства не по рекомендации г-на Шевырева и держался не его литературной партии.

Говоря о помещении в «Хрестоматию» переводных пьес г. Струговщикова, г. Шевырев вспоминает, что в «Римских элегиях» Гете, переведенных г. Струговщиковым, не было правильного пентаметра. Положим, что и так; но разве в этом дело, а не в верной поэтической

передаче подлинника? Мы уже не говорим о том, что г. Струговщиков не хуже г. Шевырева знает метрику; но как же начинать свои привязки с метра? Г-ну Шевыреву кажется, что покойный И. И. Дмитриев лучше г. Струговщикова передал пьесу Гете, названную им «Размышлением по случаю грома», – и потом сам же прибавляет, что Дмитриев дал пьесе другое значение, уклонясь от панфеистической мысли Гете... Шутка! После этого перевод Дмитриева, разумеется, есть более искажение, чем перевод.

Г-н Шевырев ниже всего низкого поставил прекрасную пьесу г. Огарева «Ноктурно», – и поделом: зачем г. Огарев печатает свои стихотворения в «Отечественных записках», а не в «Москвитяине»? Г-н Шевырев называет повесть г. Панаева – «Дочь чиновного человека» и «Белую горячку» дюжинными повестями, годными только на пустые страницы журналов: опять та же причина дурного расположения московского критика и его пристрастного суждения о повестях г. Панаева – та же причина, то есть «Отечественные записки»!^{13} И за что бы так почтенному критику сердиться

на наш журнал, столь изобильный хорошими и даже *типическими* произведениями по части повествовательной?.. {14}

Далее, опять встречаем негодование московского критика за предпочтение, отданное г. Галаховым Кольцову перед гг. Языковым и Хомяковым. Мы тоже с этой стороны не совсем довольны издателем «Хрестоматии»: ему бы совсем не следовало помещать пьесы гг. Языкова и Хомякова, особенно последнего: зачем приучать мальчиков к фразерству и пустоте мыслей в гладких стихах? Г-н Шевырев удивляется, что г. Галахов русским песням Кольцова отдает преимущество перед русскими песнями Дельвига: странное удивление! Да кто же не чувствует и не знает, что русские песни забытого Дельвига столько же русские, сколько, например, идиллии г-жи Дезульер теокритовские, тогда как песни Кольцова горят и трепещут, насквозь проникнутые русским чувством, русскою душою?..

Заклучим наши заметки указанием на странную выходку г. Шевырева против «Похвального слова Петру Великому» почтенного профессора А. В. Никитенко, этого образцово-

го произведения, полного здравых мыслей, красноречия и отличающегося изящным языком. Московского критика возмутила следующая мысль в «Слове» г. Никитенко: «Но если бы и самый утонченный, расчетливый эгоизм вздумал спросить, что каждый из нас почерпнул на свою долю в новом порядке вещей? – мы отвечали бы: честь существовать по-человечески и облагодетельствовать свое существование всеми нашими силами, материальными и нравственными». Г-н Шевырев испещряет эти строки г. Никитенко и курсивом и вопросительными знаками в скобках, а потом доносит... читателю{15}, что «это и неприлично, и безнравственно в смысле религиозном и патриотическом, и исторически ложно!..» Это, извольте видеть, называется *критикою* у г. Шевырева!.. А между тем он же, г. Шевырев, очень наивно находит сравнение Петра с богом, сделанное Ломоносовым, несколько не гиперболическим!.. «Неужли же русский народ до Петра Великого не имел чести существовать по-человечески?» – вопиет г. Шевырев, Если *человеческое* существование народа заключается в жизни ума, науки, искусства,

цивилизации, общественности, гуманности в нравах и обычаях, то существование это для России начинается с Петра Великого, – смело и утвердительно отвечаем мы г. Шевыреву. Да и кто в этом не уверен, вместе с оратором, который во всей речи своей имел одну цель – показать, чем обязаны мы Петру, как просветителю своему. В справедливости нашей мысли ссылаемся на любимые авторитеты г. Шевырева, и на Карамзина в особенности. Петр Великий – это новый Моисей, воздвигнутый богом для изведения русского народа из душевного и темного плена азиатизма... Петр Великий – это путеводная звезда России, вечно долженствующая указывать ей путь к преуспеянию и славе... Петр Великий – это колоссальный образ самой Руси, представитель ее нравственных и физических сил... Нет похвалы, которая была бы преувеличена для Петра Великого: ибо он дал России свет и сделал русских людьми... Г-н Никитенко развивает в своей речи эти же самые мысли – и за один-то из самых простых логических из них выводов г. Шевырев делает ему упреки, которые не знаем, как и назвать; знаем только, что они

в высшей степени неприличны и нелепы. Пусть читатели сами рассудят, какое можно иметь доверие к критику, который так понимает и толкует разбираемых им писателей... {16}

Скажем в заключение, что грустное зрелище представляет собою литература и критика, где считающие себя представителями науки и просвещения – или занимаются мелкими и пустыми вопросами, или на важные вопросы набрасывают тень подозрительных и двусмысленных намеков, готовые каждого, кто не разделяет их мнений, выставить каким-то противосмысленным общему порядку явлением... И между тем они-то первые и кричат против дурного тона, неприличной брани, грубого неуважения к чужим мнениям, необразованной нетерпимости к чужому убеждению, о безымянных рыцарях, о желтых перчатках {17}. Милостивые государи! хотели бы мы сказать им: перед вами ваши громкие имена, гражданские и литературные; умейте же поддержать предполагаемый вами блеск, умейте заставить уважать свое достоинство, уважая сами достоинство дру-

гих; перед вами ваши желтые перчатки – не марайте же их грязью мелкой журнальной брани и неприличных выходов мелкого и раздражительного самолюбия...

Примечания

Литературные и журнальные заметки. **Н**есколько слов «Москвитянину» (с. 469–477). Впервые – «Отечественные записки», т. XXIX, 1843, № 8, отд. VIII «Смесь», с. 98–104 (ц. р. 31 июля; вып. в свет 1 августа). Без подписи. Вошло в КСсБ, ч. VII, с. 401–414.

В 1843 году вышла в свет «Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей». Составитель «Хрестоматии» А. Д. Галахов во многом руководствовался литературными взглядами Белинского, включив в книгу произведения таких далеко еще тогда не ставших традиционно признанными поэтов и писателей, как Лермонтов, Кольцов, Огарев, И. И. Панаев. Шевырев выступил с огромным «разбором» «Хрестоматии» («Москвитянин», 1843, № 5, с. 218–248; № 6, с. 501–533), заключающим в себе ряд резких выпадов, направленных, в сущности, не столько против Галахова, сколько против «Отечественных записок» и Белинского. В частно-

сти, Шевырев писал, имея в виду Белинского, о «безыменных наездниках одного из петербургских журналов, посягающих на все славное в нашей литературе» («Москвитянин», 1843, № 5, с. 238). Белинский ответил на вызов, написав «Несколько слов «Москвитянину».

Сноски

1

Мы получили от г. Галахова письмо, в котором он просит известить читателей, что «по несвоевременному, запоздалому выходу 6-й книжки «Москвитянина» (17-го июля вместо 1-го июня) он не мог прислать ответа своего на 2-ю статью о его «Хрестоматии», помещенную в этой книжке»; следственно, ответ его будет напечатан в будущей, 9-й книжке «Отечественных записок»{18}.

[^^^]

2

выдающиеся умы сходятся между собой (*фр.*)
– Ред.

[^^^]

3

тому подобных (*итал.*). – Ред.

[^^^]

4

безвозмездно (*лат.*). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

См. примеч. 9 к «Библиографическим и журнальным известиям» (наст. т., с. 595).

[^^^]

2

Кричать «слово и дело» – доносить.

[^^^]

3

Эта мысль была высказана Белинским в статье «Стихотворения М. Лермонтова» еще в 1841 г.

[^^^]

4

«Манчский витязь» — Дон Кихот (Ла) Манчский.

[^^^]

5

Шевырев нападает на мысль Белинского, неоднократно высказывавшуюся им в связи с творчеством Лермонтова: о понимании последним демона и отличии его понимания от пушкинского.

[^^^]

6

Так Шевырев называл Краевского, в журнале которого – «Отечественных записках» – печатались стихотворения Лермонтова.

[^^^]

7

Мнение Белинского о поэзии Хомякова наиболее полно высказано им в статье «Русская литература в 1844 году».

[^^^]

8

В статье о «Трех повестях» Н. Ф. Павлова («Московский наблюдатель», 1835, март, кн. I, с. 120–130).

[^^^]

9

См.; «Московский наблюдатель», 1835, август, кн. I, с. 439–459.

[^^^]

10

Цитата из «Демона». Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит Белинскому.

[^^^]

11

Цитата из «Мцыри».

[^^^]

12

Мысль о нерелигиозности русского народа неоднократно высказывалась Белинским и была им вполне развита в «Письме к Гоголю».

[^^^]

13

Шевырев в своем разборе «Хрестоматии» Га-
лахова удивлялся, что в число «образцовых
пиес» включено стихотворение Огарева
«Nocturno» («Как пуст мой деревенский дом»),
по мнению Шевырева, «одна из тех не дю-
жинных, а сотенных пиес, которые как еже-
месячные эфемериды рождаются и умирают в
журналах в первый день появления книжек».
Здесь же Шевырев называет повести И. И. Па-
наева «дюжинными», «годными только на пу-
стые страницы журналов» («Москвитянин»,
1843, № 6, с. 514).

[^^^]

14

Белинский намекает на свой памфлет «Педант», направленный против Шевырева.

[^^^]

15

Снова (см. примеч. 3) намек на доносительский характер критики Шевырева.

[^^^]

16

В. С. Спиридонов высказывает предположение, что Шевырев своей критикой мстил Никитенко, цензору «Отечественных записок». «Мне хочется проучить этого дурака (Никитенко), – писал Шевырев Погодину, – за то, что, рецензируя «Отечественные записки», позволяет в них всякую против нас мерзость и как будто заодно с ними» (Барсуков, кн. VII, с. 84; Белинский, АН СССР, т. VII, с. 731–732).

[^^^]

17

Имеется в виду Шевырев, который в статье «Взгляд на современное направление русской литературы» назвал Белинского «неизвестным, безыменным рыцарем» («Москвитянин», 1842, № 1, с. XXI, XXVIII–XXX).

[^^^]

18

Ответ Галахова был помещен в «Отечественных записках», 1843, № 7, отд. VIII, с. 28–53 и № 9, отд. VIII, с. 33–70.

[^^^]

[^^^]